

ЮРИЙ КОВАЛЬ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА В НОВЕЛЛАХ
И ОЧЕРКАХ,
В ПИСЬМАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ
ЕЕ СОВРЕМЕННИКОВ*

Юрий Коваль

**Память сердца. Великая
Отечественная Война в
новеллах и очерках, в
письмах и воспоминаниях
её современников**

«Издательские решения»

Коваль Ю. Н.

Память сердца. Великая Отечественная Война в новеллах и очерках, в письмах и воспоминаниях её современников / Ю. Н. Коваль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853541-3

В сборник «Память сердца» вошли небольшая повесть о военном детстве, новеллы, очерки о Героях Советского Союза, Герое Социалистического Труда и полном кавалере орденов Славы. Особую ценность (как документ эпохи) имеют включенные в сборник непричесанные воспоминания работников военного (закрытого) завода, письма выпускников школы, погибших на фронтах Второй мировой...

ISBN 978-5-44-853541-3

© Коваль Ю. Н.
© Издательские решения

Содержание

ПАМЯТЬ СЕРДЦА	6
Вместо предисловия. Урок истории	6
В августе 42-го	8
Вас не забыли, Клавдия Ильинична!	10
Голос Левитана	11
Хлеб пропал: запахло поркой...	12
Бандероль из ровеньков	13
Отметины войны	16
Закрыли сердцем родину свою	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Память сердца
Великая Отечественная Война в
новеллах и очерках, в письмах и
воспоминаниях её современников**

Юрий Никифорович Коваль

© Юрий Никифорович Коваль, 2017

ISBN 978-5-4485-3541-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Вместо предисловия. Урок истории

Знакомый учитель попросил меня провести в его классе урок истории. Тема: Великая Отечественная война. Я выбрал тыл, Уфу, эвакуацию. Прошло несколько минут, и по лицам моих юных собеседников я догадался, что Вторая мировая для них такая же глубокая древность, как Куликовская битва или война 1812 года. Было очевидно, что для школьников светлейший князь Кутузов и Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Сталин – в одном ряду. Два очень далеких исторических персонажа. Не более того. Я говорил с ребятами, как современник Сталина, но под их взглядами чувствовал себя современником Кутузова, одним словом, ископаемым.

Удивляться тут нечему. Иосиф Виссарионович отбыл на тот свет в 1953 году, а ребятня, с которой я встретился, возвестила миру о своем появлении в 1986-м. И все-таки удивляться есть чему. Передо мной были дети, отравленные скверными учебниками, желтой прессой, циничным, безнравственным телевидением. Первые годы перестройки породили историков-паталогоанатомов и журналистов, которые ради сенсации и красного словца, не моргнув глазом, предадут отца родного. Они возникли не случайно. Это был ответ на жесточайшую цензуру, всенародное ликование, ложь и ханжество.

Открылись двери государственных хранилищ, документы, считавшиеся до той поры секретными, стали достоянием общественности. И все бы хорошо, но, увы, ревизоры прошлого слишком увлеклись. Одну ложь они заменили другой. В журналах и газетах стали появляться недобросовестные исследования, конъюнктурные статьи, сомнительные разоблачения. Чернуха отметила грязью даже те страницы отечественной истории, которыми мы по праву можем гордиться. Невесть откуда выползли на дневной свет телекомментаторы, которые с завидным упорством и бесстыдством промывают мозги наивным, доверчивым людям, мальчишками и девчонкам, родившимся на исходе века. Эти «властители души» не признают табу, для них не существует святынь.

Великая Отечественная война – лакомый кусок для разного рода спекулянтов. Каждый перекраивает ее на свой лад. Давняя традиция жива. При советской власти учебники истории переписывались в угоду Генеральным (Первым) секретарям ЦК ВКП (б) – КПСС. Мне в свое время досталась по наследству потрепанная книжка с замаранными сургучом портретами Тухачевского, Блюхера и других героев гражданской войны – врагов народа. Прежде было тягостное единомыслие, теперь утвердился разнузданный плюрализм, что ни учебник, то – откровение. В одном из них я прочитал, что «первым вестником начавшегося перелома во Второй мировой войне стало сражение у атолла Мидуэй в самом центре Тихого океана». Ни больше, ни меньше.

Зарубежные авторы в своих трудах о Советском Союзе и Второй мировой войне гораздо честнее и объективнее некоторых наших соотечественников. Во всяком случае, им чуждо болезненно плебейское злорадство. Одно из самых неожиданных и емких высказываний о Великой Отечественной войне принадлежит россиянину, который мыслит на уровне желудочно-кишечного тракта. Его перл, точнее, крик души, незабываем: «Победила бы Германия, пил бы я сейчас баварское пиво». Вот до какого скотства мы дошли!

Пацаны послевоенных лет знали наизусть, как таблицу умножения, имена выдающихся советских полководцев. Жуков, Конев, Ватутин, Василевский, Рокоссовский, Малиновский, Черняховский. Сейчас в головы мальчишек вколачивают совсем другие имена:

Березовский, Гусинский, Мавроди, Япончик, Михась... Герои наших дней – политики и бизнесмены, банкиры, шоумены и киллеры.

А как поживают те, кто одолел фашизм, поднял страну из руин, запустил в космос спутники и корабли – соль нашей земли? Они оказались ненужными, невостребованными. Их привилегии и льготы незначительны, но с этим можно как-то еще мириться. Страшнее другое – чувствовать, сознавать, что в тебе, твоём опыте, твоих чаяниях и мыслях никто не нуждается, что ты – отработанный материал.

Мне повезло: я был знаком с удивительными людьми, которых не смогли сломить ни ГУЛАГ, ни голод, ни война. Правда, они не знали, что такое брифинг и каков курс доллара, но зато жили в ладу с совестью и не смели пренебречь своей честью и достоинством. Их осталось очень мало, подлинных героев войны и труда. (Какое непривычное, выпавшее из оборота слово – труд – Ю.К.). Как сейчас помню колоритные, точные, по-детски непосредственные рассказы Героя Советского Союза танкиста Матвея Пинского...

2 февраля 2000 года.

Плакат времен Великой Отечественной войны. Художник – Эль Лисицкий.

В августе 42-го

Сегодня весь мир для меня окрасился в один цвет – красный, все звуки слились в один звук – скорбный. Сегодня, 9 мая 1970 года, я прочитал письмо учительницы из Одесской области. Оно адресовано бирским комсомольцам. Обычное письмо – воспоминание участницы Великой Отечественной войны. Но есть в нем такие беспощадные строки, что врезаются в человеческую память сразу, прочно, навсегда. Они преследуют человека, как страшный сон, как кошмар.

Эти строки стирают нюансы и полутона человеческой натуры. В хаос и путаницу мира они вносят точность и ясность. Делят весь род людской независимо от вероисповедания и мировоззрения на две половины: людоедов и человекоедов, окрашивают его в два цвета: черный – фашисты, осовцы, расисты, и красный – все те, кто живет, борется и умирает ради мира на нашей беспокойной планете.

Итак, свидетельствует Полина Мазанюк, фронтовая подруга Дуси Русских, девушки из Бирска.

«Вскинула глаза – рядом с биваком стоит Дуся Русских. Одежда на ней вся обгорела и отвалилась, только обугленные сапоги на ногах. На голове вместо волос сплошная головешка. Тело все почернело. А она стоит, стиснула что-то в кулаке, прижимая к груди, где только что был карман гимнастерки. Ни стоны, ни крика не вырвалось из ее груди. Только искажившееся лицо говорило о той муке и адской боли, которые испытывала она.

...В кулаке у Дуси вместе с куском гимнастерки был зажат комсомольский билет».

Это случилось в августе 42-го. В Сталинграде. В одной из подразделений частей воздушной обороны. Боец Дуся Русских охраняла Сталинградский тракторный от фашистских стервятников. «То ли от осколков бомб, то ли от трассирующих пуль вспыхнула ее одежда и пламя вмиг охватило ее, – пишет Полина Филипповна Мазанюк. – Мы оказали Дусе первую помощь, потом отправили на машине в госпиталь, но спасти ее не удалось».

С тех пор прошло 26 лет, четверть века. Биряне, пожалуй, обидятся, если их город назовешь провинциальным, захолустным. «А пединститут, поселок нефтяников, пятиэтажные дома по Интернациональной?» – возразят они.

Четверть века – срок немалый. Вчерашний Бирск славился своими садами, Шамсутдином да Орешником. Купеческий, патриархальный, яблоневый город. Каких только определений не давали ему. Сегодняшний Бирск – это город нефтеразведчиков, студентов, швей и талантливых умельцев... город Дуси Русских.

Я иду по тихому солнечному Бирску. Под ногами – яблоневый цвет. Навстречу – десятиклассники. Цветы, шутки, смех.

«Одежда на ней вся обгорела... обугленные сапоги на ногах...»

А эта девушка отбилась от своих одноклассников. Ей хочется побыть одной. Она остановилась, окунула свое лицо в пахучую сирень и стала искать в ней «счастье». Нашла – и в рот.

«На голове вместо волос сплошная головешка. Тело все почернело. А она стоит, стиснула что-то в кулаке...»

Вот юная пара, щурясь на весеннем солнце, блаженно уплетает мороженое.

«...Ни стоны, ни крика не вырвалось из ее груди...»

Девчонки и мальчишки 68-го танцуют и смеются, поедают мороженое и сиреневое «счастье», спорят о смысле жизни. В Бирске, Уфе, Москве. Потому что жила на свете Дуся Русских. Ее нет среди нас, но она с нами. Мы обязаны помнить о ней.

...В автобусе «Бирск-Уфа» мальчик, тыча пальцем в окно, недоумевает: «Мам, смотри-ка, вон тот теленок почему-то коричневый, а вон тот – белый?» Мать, пытаясь спасти родительский престиж, что-то спокойно и обстоятельно объясняет сыну.

...Сын повзрослеет. Настанет день, когда он раскроет учебник истории и прочитает название новой главы «Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков». Тогда учитель истории и мать расскажут ему, что эта глава писалась кровью тысяч советских людей, кровью бирской комсомолки Дуси Русских.

Вас не забыли, Клавдия Ильинична!

Прошел дождь. Выглянуло умытое солнце. Оно разлилось по всей земле. Заглянуло во двор уфимской фабрики имени 8 Марта. Осветило фигуру скуластой женщины с раскосыми глазами и детей, прижавшихся к ней. Я подошел к этой женщине, вырубленной из белого камня, прочитал: «Бесстрашной партизанке Клавдии Ильиничне Абрамовой-Разуваевой, погибшей вместе со своими детьми в Великую Отечественную войну».

Мимо легко, почти не касаясь земли, промчалась девушка. «Экая торопыга, ветер. Сколько раз она так-то пробегает по двору мимо Клавдии Ильиничны. Мимо Клавдии Ильиничны или мимо скульптуры?»

Сомнение породило вопрос. Клавдия Ильинична Разуваева, а вместе с ней все, кто погиб в Отечественную и возродился в граните, мраморе и бронзе, требовали немедленного ответа. И я пошел по цехам.

Люди работали. Напряженно, ритмично, споро. Накоротке отвечали на мои вопросы.

– Клавдия Ильинична Разуваева? С нашей фабрики, швея. Кончила еще до войны рабфак, поехала учиться в Москву. После института направили ее на работу в Воронеж. Женщина образованная, способная, стала она вскоре директором швейной фабрики. А тут война. Ушла в партизанский отряд. Не последним человеком была в отряде. Выдал ее немцам предатель. Мучили фашисты. Детей родными пытали. Обещали оставить их в живых, если она предаст партизан. Не предала. Расстреляли ее вместе с детьми.

– Разуваева работала у нас девчонкой. Тогда все учились, вот и она собралась и отправилась в Москву. В институт, говорят, какой-то поступила. Окончила его и уехала вместе с мужем в Керчь.

Кем она сначала работала, не знаю, потом-то – секретарем райкома

партии. Началась война. Она осталась в городе во главе подполья. Такого человека, как секретарь райкома, конечно, многие знают в лицо. Нашелся подлец, донес на нее. Немцы обещали ей и ее детям сохранить жизнь, если она предаст своих товарищей. Но она молчала. Фашисты, взбешенные ее упорством, расстреляли сначала детей, а потом и мать.

– Разуваева – наша, фабричная. Перед войной уехала на юг, то ли в Краснодар, то ли в Ставрополь. Там тоже работала швеей. Вышла замуж. Двое детей родилось. Как началась война, муж ушел на фронт. Осталась она с детьми одна. Эвакуироваться не успела: немцы заняли город. Разуваева стала помогать подпольщикам, связной у них была. Однажды немцы ее выследили и арестовали. Пытали. Грозили детей ее убить. И убили, потому что она ни в чем не призналась. А потом убили и ее. Женщина героическая, что и говорить. Памятник зря не поставят.

...И вот я опять иду к Клавдии Ильиничне Абрамовой-Разуваевой. Теперь я знаю, что ей сказать:

– На фабрике, где когда-то начиналась Ваша дорога в большую жизнь, Вас знают и помнят. Помнят сердцем. В памяти комсомольцев вы и швея, и директор фабрики, и секретарь райкома... Это не беда. Вас помнят не по должности. Говорят, что войну Вы встретили в Керчи, кажется, в Воронеже, вроде бы в Краснодаре. Простим девушкам неточность. Они точны в главном: войну Вы встретили на русской земле. Настоящим человеком.

Голос Левитана

Коктебель. Июльский день 1971 года. Три часа пополудни. Солнце палит из всех сил, на пляже – самые стойкие, испытанные курортники. Остальные, вялые, иссушенные солнцем, сморенные сытным обедом, бредут к своим палаткам и корпусам.

По примеру благоразумного большинства плетусь домой. Там ждет меня модный нынче Михаил Булгаков. С моря доносится глухое бормотание прибора. Коктебель погружается в послеобеденную дрему. И вдруг прямо в спину громкий голос резанул по ушам:

– Внимание, внимание! Я насторожился.

– Передаем важное сообщение.

Сердце сжалось, похолодело: говорил Левитан. Что случилось? Радость... или беда?

– Сегодня в девятнадцать часов по московскому времени...

Предательская дрожь пробежала по ногам. Левитан... Он объявил всему миру о полете Гагарина и... о гибели Комарова. Теплой майской ночью я услышал от него известие об окончании войны. Его голос принес в наш большой коммунальный двор горе. Помню: утро, с Белой по крутой горе поднимается женщина с бельем. Кто-то крикнул ей: «Немцы перешли границу. Война!» Ослабли руки женщины, таз накренился, белой змеей поползла на землю простыня.

Темно и голо стало во дворе. Поговаривали, что фашистские самолеты добрались до самого Куйбышева. Не сегодня-завтра жди их в Уфе. По этому случаю ослепли дома: наши матери набросили на вечерние окна байковые одеяла.

Кто-то спилил на дрова скрипучие ворота, клены и столбы для качелей.

В большую столовую под рестораном «Уфа» пришли похожие друг на друга дети: на тонкой шее большая голова, под глазами синие тени. Они предъявляли талон на дополнительное питание. Им наливали горячую похлебку...

Отталкиваясь руками от земли, по городу перекатывался безногий человек. Вместо ног – доска на шариковых подшипниках.

Мимо меня пробежали две девушки. Они играли в догонялки и не обращали никакого внимания на Левитана.

– Сегодня в девятнадцать часов по московскому времени состоится морская прогулка по Коктебельскому заливу, – разносился по поселку голос экскурсовода-мистификатора.

Камень с сердца. Все в порядке. Можно пить «Черноморский рислинг», есть чебуреки, бездумно валяться на пляже, читать Булгакова.

...Находчивый парень, этот экскурсовод. Билеты на теплоход, пожалуй, разойдутся.

Хлеб пропал: запахло поркой...

В десятом классе шел урок истории. Учитель рассказывал об обороне Ленинграда.

– ...Рабочие получали по 250 граммов хлеба в сутки. Хлеб этот был замешан на клею. В него добавляли опилки.

Учитель говорил с трудом. Охрип, перешел на шепот. Его глаза блуждали по раскрытому классному журналу: старался скрыть волнение.

Откровенно, во весь класс, хмыкнул Николай.

– Хлеб с опилками? Чепуха! – пророкотал баском Виктор.

– Встать! – металлическим голосом прокричал побледневший учитель. Ребята испуганно переглянулись. Встали. Учитель истории отличался большой терпимостью. На его уроках можно было говорить о чем угодно, для него не существовало запретных тем. Что с ним стряслось?

– Война! Блокадный Ленинград, – заговорил учитель. – Город, в котором дети становились стариками в несколько дней. А вы...

Он пристально глянул в лица десятиклассников.

– Садитесь.

В классе повисла тягостная пауза.

– В Уфе, кстати, тоже было голодно. Ели отруби, жмых, на сухой сковородке поджаривали картофельную кожуру.

Учитель умолк. Задумался.

– Хлеб... Пожалуй, сегодня я расскажу вам одну грустную историю из далеких военных лет.

Жила-была в Уфе маленькая дружная семья: мать и двое сыновей. Мать работала в госпитале. Отец – на фронте. Старшему из братьев было двенадцать, младший учился в первом классе.

Пришла как-то мать с работы, усталая, злая – наши отступали. Полезла на полку: там хранился хлеб. Достала она тряпицу, развернула и ахнула: не хватает одного куска. Мать слыла женщиной крутой: отец бил ее чуть ли не с пеленок. Плетка у него даже была из сыромятины: поучал и жену, и детей. Выросла мать хорошим человеком. То ли в шутку, то ли всерьез любила повторять: «Спасибо папе, учил, не покладая рук». Детей своих мать не трогала. Случалось, стеганет иной раз сына под горячую руку – потом весь день ходит пасмурная, сердце ноет, готова прощения просить у проказника. А здесь – хлеб пропал. Один, значит, за счет другого выжить хочет. Дело не в хлебе, в предательстве. «А ну, признавайтесь, кто украл хлеб?» – спрашивает мать у своих сыновей. Слово нарочно пожестче подобрала – не взял, а украл.

Запахло поркой. Поскучнели мальчишки. Старший насупился. Младший заревел. На всякий случай. Может быть, сжалится мать. А она сняла с вешалки белый прорезиненный пояс, в котором до войны бегала в парк на танцы, и началась экзекуция.

Прошла неделя, другая. В воскресенье мать устроила в квартире генеральную уборку. Передвигала ящики, стол, комод.

Наигравшись во дворе, прибежали домой мальчишки. Распахнули дверь: на полу сидит мать и слезами умывается. Возле нее лежит черный в белых паутинках плесени кусок хлеба.

...Вот и все. Кажется, прозвенел звонок?

Ступайте на перемену.

Бандероль из ровеньков

Наше знакомство состоялось в столовой пансионата. По воле диетсестры мы оказались за одним столом. Инженер из Ворошиловграда (так мне его отрекомендовали) всегда опаздывал на обед.

За час до обеда он надевал спортивный шерстяной костюм и «в темпе» лез на высоченную крутую гору. Палило солнце, среди редкого, приземистого кустарника мелькала в руках Николая третья точка опоры – суковатая палка. Деревенели ноги, сердце подкатывалось к горлу, пот струился по лицу, спине, рукам. Мокрое тело обдавало волнами бродячего ветерка. Хорошо! Преодолеть гору, свою усталость, тягу к неподвижности.

На вершине он валился с ног, отдыхал, потом поднимался во весь рост. Далеко внизу синело море, застывшее, неподвижное. На середине горы, распарывая зелень леса, торчала макушка мачты электропередачи. Выше было только одно небо.

...Николай усаживался за стол, когда его соседи приступали к компоту. Он вытирал о полу шерстяной куртки потное покрасневшее лицо и принимался за суп.

– Коль, опять в гору бегал? – с деланным участием спрашивала его плотная, щедро обсыпанная веснушками женщина, с копной непослушных ржавых волос.

– Ох, и красотища там наверху! – захлебывался от восторга Николай.

– Умный в гору не пойдет, – успевала вставить молодая особа, странно белая среди людей, прокопченных кавказским солнцем. Она почитала за великий труд спуститься к морю и омочить в его воде свои полные ноги и потому смотрела на Николая с явным подтекстом: есть же психи. Неужели так все дни и пробегает?

От нашего пансионата до Сочи было далеко. Время проходило однообразно. Утром – ванны, днем – солнце, вечером – старые цветные киноленты. Николай угощал меня спелыми каштанами, я его – фантастикой Брэдбери. Мы пристально, во все глаза рассматривали на экране телевизора Горди Хоу и Бобби Халла, стонали от восхищения, когда хитроумный Валерий Харламов забрасывал шайбу в ворота канадцев, посмеивались над местным врачом, который с редкой щедростью прописывал всем без исключения скипидарные ванны, не без любопытства попивали пепси-колу – ничего диковинного в ней не нашли, бродили по кипарисовым аллеям и набирались ума – в каждой аллее можно было обнаружить с полдюжины афоризмов на тему «Движение – жизнь, покой – смерть» и «В здоровом теле – здоровый дух». Поддавшись авторитету древних и новейших мудрецов, мы добросовестно носились по терренкуру. У нас был отпуск, мы отдыхали и старались быть беззаботными. Впрочем, однажды я видел Николая взвинченным, злым: хозяйка, у которой он квартировал, выбросила в мусорный ящик хлеб. Мне было понятно негодование Николая – детство его совпало с войной (он с матерью и младшим братом жил тогда в Коми АССР).

Осеннее солнце рано скатывалось в море. Радиоузел сразу же

приступал к делу. На территории пансионата хрипела и грохотала нежнейшая мелодия из «Крестного отца», меланхоличный баян оглушительно «навевал» «Осенний сон», в сотый раз, как заклинание, «Самоцветы» твердили: «Не повторяется такое никогда...» У кассы в летний кинотеатр выстраивалась очередь. Около столовой на скамейках рассаживались мужчины в возрасте, закуривали, лениво заводили разговор, без начала и без конца. Непрошеным гостем приходили, обступали нас воспоминания о доме.

Николай жил и работал в Ровеньках, неподалеку от Краснодона, у него была живописнейшая украинская фамилия – Покиньюборода. При прощании мы условились

никаких писем друг другу не писать. На всякий случай обменялись адресами: чего в жизни не бывает.

...Было раннее утро, когда в нашей квартире раздался звонок.

– Вам бандероль, – проверещала молоденькая, худенькая, как подросток, женщина-почтальон. Я расписался на каком-то бланке и почтальон протянула мне большой коричневый конверт от Покиньюборода. Распечатал. Из него выпало письмо, значки, гибкая пластинка, два путеводителя по ровеньковскому музею «Памяти павших».

Я поставил пластинку на проигрыватель и услышал голос Елены Николаевны Кошевой.

– Дорогие товарищи! Наша славная молодежь! – говорила она. – Святостью братских могил, радостью побед будьте достойны бессмертных подвигов отцов и матерей.

В Уфе, в доме на улице Блюхера, звучал голос матери комиссара «Молодой гвардии»! Когда-то, очень давно я любил вот эти строчки о ней: «... Я помню твои руки, нестигающиеся, красные, задубеневшие от студеной воды в проруби, где ты полоскала белье... помню, как незаметно могли твои руки вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела... Нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! Я видел, как они месили глину с коровьим пометом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывавшую из шелка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдаванским вином». Да, Александр Фадеев, «Молодая гвардия».

– Пусть чистый образ моего сына Олега и его боевых товарищей – молодогвардейцев служит вам ярким примером патриотизма и беспредельной любви к великой партии Ленина, к любимой нашей Родине, – мягкий голос Елены Николаевны Кошевой оборвался. Раздался глухой, беспокойный, как удары набата, стук. Из него возникла прекраснейшая мелодия, которая когда – либо рождалась на земле. В ней были боль, свет, скорбь и величие – *Lacrimosa* из моцартовского «Реквиема». И снова послышались глухие, гулкие удары, то ли сердца, то ли времени. Вспомнились слова, запавшие в наши детские души: «Прощай, мама, твоя дочь Люба уходит в сырую землю». Мы были слишком молоды, чтобы мстить фашистам за гибель фадеевских героев, да и война уже закончилась.

Удивительное дело: война закончилась, а детям, пережившим ее, все еще снились тревожные, военные сны. Они сбрасывали фугаски с крыш горящих домов, взрывали железные дороги, прикрывали своим телом от немецкой пули боевого генерала, умирали от пыток в застенках гестапо, прыгали на ходу с бешено несущегося поезда и... просыпались, разгоряченные, с подушкой в зубах на холодном полу коммунальной квартиры. («Лихо воюет», – усмехались матери, помогая сонному «воину» взобраться на постель).

«Молодую гвардию» Александра Фадеева мы читали запоем, забывая приготовить уроки и занять очередь за хлебом. Мы навсегда запомнили имена замученных героев. Имена предателей и врагов тоже остались в нашей памяти. И самое зловещее – Фенбонг. Так звали жестокое, жалкое и жадное животное, которое тайно ото всех хранило на своем теле доллары, шиллинги, лиры, кольца, брошки и... золотые зубы. Мы ненавидели лютой ненавистью этого немца, истязавшего Земнухова и Громова.

А на берегу Белой, на бревне у лесопилки, сидел белобрысый военнопленный и смотрел на русских мальчишек, усердно раздувавших костер из щепок. В глазах его застыли вина и тоска.

...Кружилась голубая гибкая пластинка из Ровеньков. Юрий Левитан читал Роберта Рождественского. И снова, в который раз, – глухой, размеренный стук, словно

из-под земли... Передо мной лежал путеводитель по музею «Памяти павших». На задней обложке снимок: зеленовато-серая тюремная стена, кровавые пятна, нацарапано: «Умру, но не сдамся, лучше смерть, чем рабство». Кровь на стене и этот бесконечный будоражающий стук – я решил передать бандероль от Покиньюборода школьникам. Им она нужней, чем мне. Голос Елены Николаевны Кошевой и звуки моцартовского «Реквиема» хранятся теперь у ребят, появившихся на свет в 1963 году, через двадцать лет после казни молодогвардейцев.

Отметины войны

Когда Александра Васильевна Савченко со своей свитой шествовала по улице, прохожие останавливались. Кто с любопытством, а кто с доброй усмешкой рассматривал живописнейшую процессию. В центре – сама Александра Васильевна – дородная, с жаркими карими глазами, тяжелой смоляной косой, сложенной вдвое. Не идет, а плывет по грешной земле: голова запрокинута к небу (попробуй поноси такую тяжесть за спиной), что творится вокруг и не замечает. Под правую руку Александру Васильевну поддерживает сын Иван, великодушный силач, застенчивый и румяный, под левую – Павел, насмешник и непоседа, тонкий и гибкий, как лоза. Позади, боясь нарушить торжественность момента, шагают в ногу младшие: насупленный, с ранней «философской» складкой меж бровей Николай и Анна, бледный, угловатый подросток.

Вскарабкались на гору. Парк. Александра Васильевна присела на скамейку. Иван и Павел бросились вдогонку за знакомыми девчатами. Николай и Анна заняли вакантные места. Далеко внизу, под ногами, катила свои сильные воды река. Величие ее завораживало. Говорить не хотелось. Вылетевшее слово показалось бы незначительным.

«Пой, Андрюша, нам ли быть в печали», – запел патефон в стрелковом тире.

– Быть осенью большой свадьбе, – вслух подумала мать. – У Ивана уже все обговорено.

Где-то рядом прошелестев, упал яблоневый цвет...

В первый раз это случилось с ней, когда от Павла вместо письма пришла похоронка. Увидела она листок, исписанный чужим почерком, и поразилась вдруг наступившей тишине. Сдавило сердце. Горячая волна омыла его и разлилась по всему телу. Дышать стало нечем. Мать потеряла сознание.

Очнулась: соседская девчонка-почтальон, больно вцепившись в плечи, трясла ее изо всех сил. Встала на ноги. «А Павла больше нет.» Расправила скатерть на столе. «Голоса его больше нет. Нет улыбки. Песен нет». Сняла со стены его гитару, повязанную темно – вишневым бантом, прижала к груди, зашлась слезами.

Дважды останавливалось еще сердце матери. В Сталинграде умер от ран Иван. Сгорел под Курском восемнадцатилетний Николай.

Анна работала на машиностроительном заводе фрезеровщицей. Когда она появилась в цехе первый раз, женщины окружили ее, запричитали. Они увидели – заморыш, запеленатый в необъятный материнский жакет и реденькую материнскую шаль, из кокона выглядывает синевато-прозрачное заострившееся лицо – и заболели, заныли их женские сердца. Было Анне в ту пору пятнадцать лет от роду.

Миновала война. Заморыш превратился в статную горделивую красавицу, за которой охотились местные парни. Вечерами, смыв с себя металлическую пыль и усталость, убегала Анна из дому в старый парк над великой рекой.

Протанцевала она как-то больше обычного: уж очень тепла была летняя ночь, хмельны вальсы и пригож партнер. Распрощалась у дома с подругами. Неслышно растворила окно. Белой тенью впорхнула на кухню. На столе стояла кружка молока, прикрытая горбушкой. Подкрепилась. На ходу сбрасывая платье, направилась в спальню. У самых дверей остановилась, услышав тяжелый, трудно сдерживаемый стон и слезы. Плакала мать. «Плакала каждую ночь, – догадалась Анна, – хоронясь от меня».

На завод она пришла мрачная, бессонница намалевала под глазами черные круги. Это не ускользнуло от старого мастера.

Когда-то, в молодые годы, он слыл на заводе первоклассным слесарем, творил из металла чудеса. С годами металл становился всё тверже и упрямей: ослабели руки, потускнели глаза. Сердце стало зорче.

Растирая поясницу и побрякивая, мастер подошел к Анне.

– Что случилось?

– Мама. Плачет ночами: ребят забыть не может.

– А ты растормоши ее. Застыла она в своем горе.

Мастер задумался, усмехнулся.

– В кино своди.

– Что вы, для нее это грех великий.

– Что она у тебя – верующая?

– Да не поймешь. В детстве в церковном хоре пела. Сейчас в церковь ходит по большим праздникам. Молиться или петь, не знаю.

– Ты все-таки попробуй, пригласи. На комедию пойдете – развеется, на душе, может, и оттает. Тяжелая картина – не беда. Смотри, мол, не только у тебя горе. Других тоже судьба не обошла. Ну, как? Договорились?

Мать не поддавалась на дочерины уговоры.

– Разбежалась, как же. Всю жизнь прожила без твоего кино и теперь как-нибудь обойдусь.

Анна пошла на крайность.

– Ты знаешь, перед началом картины показывают киножурнал про войну. Одна женщина узнала своего погибшего сына, я в газете читала. Может, и нам повезет. Пойдем, мам...

Клуб железнодорожников. Погас в зале свет. Мать устала на белую простынь: ей очень хотелось увидеть хотя бы одного из своих сыновей. Заиграла веселая музыка. Крепкие загорелые женщины складывали в скирды хлеб, строгий мужской голос говорил, что хлебо-робы Ставрополя соберут в нынешнем году высокий урожай.

«Дай-то бог», – порадовалась за них мать.

Потом два парня в кожаных перчатках мутузили друг друга. Матери жалко было обоих. «Видно, кулачный бой», – догадалась она. Бой закончился. Парни обнялись. «Вот так-то хорошо, – успокоилась мать. – Без злобы. Испытали, кто ловчей, и тут же помирились.»

Началось кино. Молоденькая барышня, совсем еще девчонка, уезжала учительствовать в далекую и холодную деревню. Мужики приняли ее с недоверием. Хитрющее кулачье норовило убить. Была в ее жизни радость: шумная деревенская свадьба. Мужем учительницы стал, по всему виду, положительный человек. Но коротко бабье счастье. Убили враги мужа. Одно утешение – дети, нескладные, любознательные. С ними вместе прожила учительница весь свой век.

Мать вздыхала, улыбалась, всплакнула раза два, пока смотрела картину. Вышла из клуба – на душе было покойно и легко, как после исповеди.

Ехидная подруга Михайловна не удержалась, справилась у нее: «Ты, может, на танцы лындать начнешь?» «Никто не приглашает, а то бы не отказалась», – второпях бросила мать и загрустила: весело было у нее в доме до войны. Павел играл на гитаре, Иван на мандолине, Николай на ложках. Как вечер, соседские парни и девчата собираются в савченковском дворе. Песни, танцы, смех до полуночи.

Были б живы ребята, нянчила бы теперь внучат. Анна... Еще молода. Пусть побеждает...

В клуб мать ходила теперь без нее. Она полюбила кино за доброту, за то, что картины почти всегда заканчивались счастливо и негодяи получали свое, по справедливости.

На «Запорожца за Дунаем» мать торопилась как на первое в жизни свидание. Музыку Гулака-Артемовского она знала наизусть сызмальства, от своей матери.

Давно ей не было так хорошо, как на этой картине. Куражился хмельной Карась. Ворчала сварливая Одарка. Клялись в вечной любви Оксана и Андрей. И явились Александре Васильевне светлые летние ночи, молчаливый и робкий кузнец Георгий, ставший ее мужем. И была она босоногой хохотушкой шестнадцати лет. Сердце в груди билось резво, молодо...

Ребятишки, возившиеся в узком и тихом переулке с игрушечным грузовиком, испуганно переглянулись, когда увидели старуху Савченко. Шла она боком, натываясь на заборы и скамейки. Еле-еле добралась до своего дома, ощупала стенку, ухватилась за косяк, перешагнула порог...

Анна вошла в дом и сразу увидела мать. Крупная, седая женщина, неловко подвернув под себя ногу, лежала в полутора шагах от кровати. Анна метнулась к матери. Дыхания нет. В уголках губ затвердела улыбка.

Закрыли сердцем родину свою

Среди тех, кто защищал свою родину – Союз Советских Социалистических Республик – от фашистской орды, были ученики 44-й уфимской школы. С тремя из них я познакомился в школьном музее Боевой славы. Познакомился, читая их письма родным и близким.

Георгий Горшков. Трудиться привык с малых лет – большая семья. Стесняется своей «глупой страсти» к мороженому. Боится быть сентиментальным. Однажды, в минуту слабости, обратился к матери за сочувствием и теперь клянет себя за это: не научился щадить материнское сердце. Младшего брата зовет с трогательной лаской «Колюшка» и тут же по-мальчишески «Колька». Георгий – издатель стенных газет. Свято верит в просветительскую миссию художественной литературы. Неодобрительно отзывается о раннем замужестве и туфлях на аршинных каблуках. Любит копаться в радиосхемах, мечтает смастерить подводную лодку. Отдает должное интенсивным физическим упражнениям, неплохо бегаёт на лыжах. В свободное время занимается диалектическим материализмом и английским языком (в школе – немецкий). Не умеет и не хочет ловчить: не по нутру ему это.

«МАМА, Я ТЕБЕ ОБЕЩАЮ: БУДУ СИЛЬНЫМ»

Письма Георгия Горшкова

Здравствуй, мама!

Здравствуй, Колюшка.

Не знаю, сколько вы писали мне, но я еще получил только одно письмо от Кольки. И как я был обрадован им! Наконец-то связь с домом налажена. Знаешь, мама, если ты получишь мои письма (я посылал четыре), то лучше их выброси: они недостойны твоего сына-комсомольца. Я сам с отвращением стал относиться к самому себе. Как только я мог написать такую чепуху?

Да, кажется, и образование имеет свою отрицательную сторону. Оно превратило меня в интеллигентного хлюпика, да так, что я этого не заметил. Первое же столкновение с минимальными трудностями заставило меня распустить нюни.

Мама, я тебе обещаю: буду сильным, никогда, ни при каких трудностях я больше не заплачу, не распушу слюни.

Мама, Колюшка пишет, что ты просишь меня сняться и непременно в шинели.

Сегодня выходной. Я постарался выполнить твою просьбу: сходил в фотографию, снялся. Карточки будут готовы через две шестидневки.

Но горькое разочарование... Пришли в казармы... Ходят слухи, что нас отправляют из Костромы. Вот тебе, бабушка, и юрьев день! Вот тебе и фотокарточки!

Советую пока не писать на старый адрес.

Здравствуй, Колюшка!

Что тебе еще написать? Модель подводной лодки разрабатывал и буду разрабатывать. Жди в следующих письмах описание модели. Если хочешь подробно, то (я, кажется, писал об этом) найди журнал №10 за 1939 г. «Техника – молодежи».

До свидания, мама, и ты, Колюшка.

Г. Горшков. 6 марта 1940 г.

Здравствуй, братишка.

Я обрадован твоим письмом: наконец-то собрался написать мне, но я глубоко разочарован. Кто это пишет? Чей это почерк? Скатился ты, друг.

Раньше я с наслаждением читал твои письма, написанные каллиграфическим, ясным почерком, а сейчас я с большим трудом разбираю твои каракули. А что еще хуже – это масса ошибок и притом самых грубых. Распустился ты здорово. Подтянись. Ты знаешь, по почерку видно, что ты стал небрежничать, а значит стал неряхой. Смотри, Колюшка, следи за собой. Я это тебе советую, как другу и брату.

Колюшка, ты пишешь, что Ленка вышла замуж. Поторопилась. Я боюсь, что и Нинка пойдет по этому пути. Ты ведь пишешь, что она стала барышней и носит туфельки на аршинных каблуках. Это уже плохо. Я предупреждал ее, что нужно поменьше думать о женихах и побольше работать над собой. Ты спроси ее, не забыла ли она о моем наказе. Скажи ей, что женихи найдутся в любую минуту, а вот умная голова встречается очень редко. Пусть работает над собой, учится, читает и учится.

И ты читай книги. Читай больше.

Скажи маме, что я шлю ей привет. Венушка пусть выздоравливает. Заставляй его заниматься утренней зарядкой и физкультурой – это укрепит его организм. Ты знаешь, чем больше тебя нагружают, тем становишься крепче. Сегодня посмотрел свои мускулы на руках... Смотрю и не верю: раза в два больше, чем были.

У нас с первого апреля идет подготовка к параду. Товарищи топают здорово, а я слегка: меня на парад не возьмут. Почему? Мал ростом. Норма 170 см, а я 169 см в ботинках. Занимаемся на территории сельскохозяйственной выставки. Она от нас километрах в 8—10. Ежедневно ходим туда... Километров 25 оттопаешь в день – и порядок.

Ну, пока. Привет Володе и Шуре. Привет Вениамину Антоновичу.

Г. Горшков.

11 апреля 1940 г.

Здравствуй, мама!

Вчера получил твое письмо и не знаю, что делать: плакать или радоваться?

Есть от чего взгрустнуть и есть чему порадоваться. Грустить из-за содержания, радоваться из-за восстановления связи с тобой. От тебя, да и вообще откуда бы ни было, писем я не получал, начиная с 16 апреля. Есть отчего опустить голову.

Итак, я получил ответ, маленькое письмо. Читаешь и кажется, что это не письмо, а сгусток твоего горя. Сколько ты выстрадала! Не шутка: похоронить младшего сына и не знать, жив ли старший. Болезнь отца, трудная жизнь. У меня сердце замирает, когда я думаю о том, сколько ты выстрадала. Я прошу тебя, я требую, чтобы ты хоть обо мне-то не беспокоилась. Куда я денусь? Что со мной сделается? Валька умер. Брашки нет. Сердце замерло, когда я прочел это известие. Папа хворает. Что с ним?

Что о себе писать? Все в порядке. Скоро год моей службы. Ходит слух, что еще полгода учебы, полгода стажировки и я стану средним командиром запаса. Домой, наверное, не приеду до конца службы.

Как Колька, Нина?

Скоро занятия.

До свидания. Не беспокойся. Привет Горке.

Г. Горшков.

24 августа 1940 г.

Здравствуй, мама!

Ты говоришь, что хотела послать посылку и деньги. А для чего это мне? Я знаю, ты сейчас обидишься: сын не хочет принять подарок от всего материнского сердца. Но, прошу тебя, послушай объяснения, прежде чем сердиться на неразумного сына. Я получаю червонец в месяц. Куда я трачу эти деньги? Иногда купишь какую-либо

мелочь: карандаш, мыло, нитки. Но ведь это бывает раз в две-три недели. А остальные деньги? Трачу на сласти, булки, мороженое. Между прочим, к мороженому я за последнее время пристрастился. Так неужели же ты будешь посылать мне деньги на развитие глупой страсти к мороженому? Сама видишь, что деньги для меня будут излишеством. Так же и с посылкой. Куда мне? Лучше, мама, не нужно ничего посылать.

Привет Нинке.

Мама, ты говоришь о вызове меня телеграммой. Это не надо. Я сейчас считаюсь лучшим редактором «Боевого листка» в полку. Работаю по развитию ротной печати. Прилагаю все силы. Близкие командованию люди говорят о моей награде за работу. 15 суток отпуска – за это я сейчас бьюсь.

До свидания.

Г. Горшков.

18 января 1941 г.

Здравствуй, Колюшка.

Как твое письмо, так и веселее на душе. Пиши ты их чаще. Мама опять беспокоится? Ах она, мама! Ты тверди ей каждый день, что я жив и здоров, что со мной до самой смерти ничего не будет.

У тебя есть лыжи? Ты катаешься? Предупреждаю. Я неплохой лыжник. Я ходил на 20 км, ходил на 10 км – на время. Норма – 1 час.20 мин. – это с противогазом, подсумком, винтовкой. Я пришел одним из первых, впереди майора и старшего лейтенанта, – за 1 час. 8 мин.

Встретимся, Колюшка, потягаемся. Коля, пришли мне схему своего трехлампового приемника. Хочу посмотреть. В армии я все забыл.

О себе. Похоже на похвальбу. Завоевал большой авторитет в роте. Я – редактор, ответственный за ротную печать, агитатор, пом. групповода политзанятий, пом. ком. отд. Налаживаю ротную печать, подписку на газеты. Читаю, пишу, занимаюсь немного английским, диалектическим материализмом, физикой. Может быть, удастся приехать.

Пока. Пиши.

Г. Горшков.

19 января 1941г.

Поздравление командира

Уважаемая Надежда Андреевна!

Поздравляем Вас с праздником, годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!!!

Мы вместе с Вами разделяем радость за те успехи, которых достиг Ваш сын, Георгий Павлович, по боевой и политической подготовке. За все время пребывания в рядах РККА Ваш сын, Георгий Павлович, проявил себя как дисциплинированный, инициативный и морально устойчивый воин РККА. Вы можете гордиться тем, что сумели воспитать такого преданного патриота нашей Родины!

Командир подразделения (подпись)

Политрук (подпись)

Георгий Горшков пропал без вести в 41-м. Ему было двадцать лет.

Рафагат Бикмухаметов. Художник, философ, книголюб, любит оттачивать свой язык в словесных схватках и подтрунивать над товарищами. У Рафагата острый, верный глаз. В минуты совсем не юношеского прозрения он дает людям удивительно точные, емкие характеристики.

К жизни относится спокойно, по-хозяйски, без суеты. Над превратностями судьбы посмеивается. Какая там судьба? Есть человек – повелитель судьбы. Захочет он – и скрутит ее в бараний рог, станет она покладистой, послушной. Ослабит узду человек – тогда уж она не упустит своего шанса.

Учится школьный Демокрит, разумеется, на отлично.

«СВОЮ СУДЬБУ ЧЕЛОВЕК РЕШАЕТ САМ».

Письма Рафагата Бикмухаметова

Здравствуйте, дорогие!

Привет из Гурьева. Жаль, что не могу еще сообщить вам своего адреса, так как временно мы живем в клубе, и неизвестно, когда нас переведут в казармы. Часа два в день занимаемся строевой подготовкой, примерно столько же прорабатываем уставы. Ради развлечения подтруниваю над своим дружком Александром Худошиным. Забавно наблюдать, как он кипит. Зачислили меня в пулеметную роту, так что через шесть месяцев на свете будет одним пулеметчиком больше.

Гурьев, оказывается, совсем не то, что я о нем представлял. Снег, до черта много заборов, верблюды. Летом, говорят, здесь невозможная пыль. Сейчас снег почти весь растаял, стоят лужи, кажется, весна осилила зиму. Живем неплохо. Обмундирование еще не выдали, шеголяем в собственных костюмах.

Хотелось бы знать, как поживаете вы? Зубрит ли Хава (сестра Рафагата – Ю.К.) по-прежнему свою хирургию? Что в Уфе нового? Писать, лежа на полу, неудобно, поэтому продолжение отложу до следующего раза, да и писать, кажется, больше не о чем. Вы обо мне не беспокойтесь. Собираюсь купить мандолину и развлекаться музыкой.

Привет всем! Рафагат.

20 марта 1942 года.

Здравствуйте, дорогие!

Пишу со стрельбища. Сегодня стреляем из станковых пулеметов и автоматов. Стоит сплошной треск и визг пуль. Интересное бывает ощущение, когда лежишь на огневом рубеже: кажется, будто мышцы наливаются силой и рука становится тверже, а глаз зорче. Вообще, обостряются все чувства и появляется азарт игрока в билиард или, скажем, в кегли. Так и хочется уложить все пули в цель, как будто это имеет какое-то особо важное, неоценимое значение, а промах – большой позор.

А где, между прочим, Хава, твоя карточка, которую ты так давно обещала мне прислать?

Пока! С приветом, Рафагат.

Здравствуйте, дорогие родители!

Здравствуй, Хава!

Вы спрашиваете, что мне нужно. Могу, положив руку на сердце, уверить вас, что ничего мне не требуется, в том числе и деньги. Ведь мы получаем жалование, а покупать все равно нечего, и деньги напрасно валяются в кармане.

Хотелось бы купить что-либо из беллетристики, но художественной литературы в Гурьеве днем с огнем не отыщешь. И приходится жить без книг.

Привет всем. Рафагат.

30 мая 1942 года.

Здравствуй, Хава!

После сухости и краткости первых писем немного философии.

Конечно, для философских «измышлений» письма не так уж удобны, но если иного выхода нет, то приходится мириться с этим. Сажу в душной жаркой комнате. Солнце жжет, кажется, что воздух в комнате застыл. Одним ухом прислушиваюсь к объяснению, а глаза так и закрываются сами собой, неодолимо тянет ко сну.

Но стоит оторваться от урока и заняться своими мыслями, то, как это не удивительно, сон отлетает. Борюсь со сном, сочиняю письмо. А раз оно написано, что же делать, как не отослать его наиболее подходящему адресату – своей сестренке, кандидату корпорации философов-фаталистов (а, может быть, и члену?).

Воспользовавшись минутами свободного времени, заканчиваю начатое письмо. Поговорим о так называемых превратностях судьбы и тому подобных вещах. Как тебе уже известно, я не разделяю твою фаталистическую теорию о неизбежности происходящего. По – моему, свою

судьбу человек в основном решает сам, а превратности судьбы – не что иное, как совокупность глупостей, совершаемых людьми, за которые они и расплачиваются.

Правда, иногда приходится платить за глупости, совершаемые другими, но не нужно забывать, что движущей силой является человеческая воля, а не постоянно действующий в определенном направлении фактор – судьба.

Пора идти строиться. Чтобы не откладывать до следующего раза, на этом кончу, а остальное допишу в другом письме.

С приветом, Рафагат.

Еще одна просьба: пиши больше о нашей жизни и пиши конкретнее.

3 июня 1942 года.

Добрый день, дорогая сестренка!

Вчера получил твое письмо – одиннадцатое. Так значит, ты сейчас отдыхаешь? Очень рад за тебя. Признаться, я бы тоже не прочь отдохнуть: ничего не делать, целыми днями читать запоем и чувствовать себя свободным от всех обязанностей. Но об этом сейчас и говорить не приходится. Вот кончится эта война, жизнь войдет в свои прежние берега, и тогда мы, повторив слова Молчанова, за которые его так крыл Маяковский, накинem на себя месяцев на шесть обломовский халат. Думаю, что для этого возможность найдется. Ну, скажи, чем может быть занят военный человек в мирное время?

В эти дни я немного расстроен. Уезжает начальник учебной части нашего батальона – старший лейтенант Большаков. Жаль расставаться с таким замечательным человеком. Энергичный, напористый, человек с головой, к тому же обладающий редкостным красноречием, правда, красноречием грубоватым, мужицким, – он пользовался всеобщей симпатией. Уважал его и я.

Прочитал стихи некогда модного Надсона. Не нравятся, слишком уж много уныния и печали. А такого настроения человек, слава богу, может набраться и без помощи любезнейших поэтов – нытиков. Мне больше по душе мятежная лирика Байрона или драчливая поэзия Маяковского.

К ним, и только к ним, следует обратиться тому, «кто ищет и просит участия», но ни в коем случае не к этому пессимисту.

Единственное, что оправдывает его стенание – это ритмичность стихов. Но и это недорого стоит. По-моему, когда человек обращается к поэту за разрешением мучающих его вопросов, ему желаннее веские, бьющие, как выстрел, в упор, слова, чем пустые мелодичные звуки и туманные

выражения. Если человек хочет просто отдохнуть «над страницей поэта», то лучше уж почитать о радостях жизни, о борьбе и победе, или уж о так часто проявляющей себя безграничной людской глупости, чем о печали и страданиях неудачников, заблудившихся в жизни.

С нетерпением жду обещанной фотокарточки. Мне так хочется взглянуть на ваши лица.

Пока! Привет бабушке, Диночке, Ляле, Гильмановым и прочее и прочее...

29 июля 1942 года.

Здравствуйте, дорогие!

Наконец-то я собрался написать вам. Вы, наверное, всё гадаете, что-то я поделываю, где пребываю, о чем думаю. Начиная с прибытия в часть я, кажется, только тем и занимался, что окапывался со своим взводом то там, то здесь.

Царствует весна: щебечут пичужки, сияет солнце, кое-где на скатах лошин уже зеленеет... Вылезешь утром из землянки – все тихо и мирно, лишь где-то в небе трещит самолет.

Омрачает радость то, что на нашей земле все еще чертовы «фрицы». Пока они не изгнаны, полной радости не бывать...

Признаться, я немного скучаю о вас, об Уфе и ее улицах, домах, садах, о знакомых ребятах. Интересно знать, где они сейчас. Неплохо было бы встретить хоть одного из них здесь и поболтать, как бывало раньше.

Обо мне не беспокойтесь: ни к чему омрачать себе жизнь пустыми тревогами.

Ну, пока! С нетерпением жду от вас писем.

С приветом Рафагат.

10 апреля 1943 года.

Рафагат Бикмухаметов погиб в 43-м. Ему было девятнадцать лет.

Орест Осколков... Из писем я узнал все его слабости, наверное, поэтому он стал мне ближе других. Орест был лакомкой: он любил домашнюю стряпню, земляничное варенье, хорошие конфеты. Мать его не скупилась на ласку и денежные расходы. Он отвечал ей нежностью и доверием.

После десятилетки он поступает в Челябинскую военную авиационную школу. Началась регламентированная жизнь, суровая, без скидок на ангину и больные глаза. Ореста гложет тоска по дому. В короткие минуты отдыха и перед сном его обступают воспоминания. В них – весенний сад, свежие яблоки, старенькая кушетка, шульженковская «Челита», Уфа в будни и праздники... мама. (Мама он всегда писал с большой, заглавной буквы – Ю.К.)

В военную школу Орест пошел по своему желанию. Он не уступает тоске: уплотняет день до предела, не позволяет себе и минутной передышки, бежит прочь, услышав мелодию, напомнившую ему о доме...

Проходят месяцы, и Орест замечает: ему нравится военная служба, ее напряженный ритм. Он стал собраннее, целеустремленнее, крепче.

Настал час – Орест поднялся в небо. Перебрал в памяти пережитое и понял, что небо – это как раз для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.